

«Профессор Полежаев» Л. Рахманова в театре им. Моссовета. Постановка С. А. Марголина. Художник — Б. И. Волков. На снимке: народный артист РСФСР Е. О. Любимов-Ланской в роли Полежаева и артист А. Ф. Кистов в роли матроса Куриянова

Актеры и роли

Любимов-Ланской — профессор Полежаев

Очень трудно сыграть на театральных подмостках роль депутата Балтики.

Ведь он пришел, этот образ, из фильма, он рожден искусством кино, искусством двухмерным, но необычайно маневренным, подвижным, богатым тысячу своих особых способов дробить, монтировать эпизоды, переносить зрителя из одного места действия в другое, замедлять, убыстрять темпы происходящего, изменять ракурсы видимого. Словом, искусством иной природы, иных специфических возможностей, иных художественных законов.

Трудно играть эту роль на сцене еще и потому, что она превосходно и своеобразно сыграна Черкасовым. С профессором Полежаевым в облике Черкасова свьдлись, подружился миллионы зрителей. Повторять Черкасова? Какая неблагодарная творческая задача для актера! Играть другого Полежаева? Вряд ли это удовлетворит зрителя.

Откровенно говоря, даже не очень интересно идти на спектакль «Профессор Полежаев», если помнишь, если любишь фильм «Депутат Балтики». В конце концов это лишь инсценировка фильма.

*

Спектакль «Профессор Полежаев» — новую свою работу — привез с Дальнего Востока после годичной разлуки с московским зрителем театр им. Моссовета. Полежаева играет Е. О. Любимов-Ланской. А его Москва не видела на сцене гораздо дольше, пожалуй, года четыре. Вот это сообщило постановке известный интерес.

Идет занавес. Оркестр перекрыт маркетом, во всю ширину зеркала сцены открыта перед нами огромная, просторная, в глубину уходящая комната квартиры Полежаевых. С холодными панелями, с высоким-высоким потолком, какой встречается лишь в старых петербургских квартирах, с окнами во всю высоту комнаты.

Да, художник Б. И. Волков хорошо воспроизвел официальный холодок петербургского дома, но уместен ли он именно здесь, в обжитом гнездышке этой милой лиричной четы стариков Полежаевых? Справа, в далекой глубине сцены, с трудом различаешь за аркой погруженную в полумрак вторую комнату — кабинет профессора: кажется, там поблескивают в полутьме шкафы с книгами, настольная лампа... Помните очаровательную сцену в фильме, которую Полежаев-Черкасов проводит, забравшись на стремянку, роясь в книгах? Здесь, в этой подукилометровой перспективе, нам этого, пожалуй, не покажут...

Но вот возвращается из-за границы профессор Полежаев — на сцене появляется Любимов-Ланской. Полежаев с увлечением рассказывает Марии Львовне

о своих успехах в Кембридже: «Какую я там речь закатил!» Он трогательно инсценирует для нее свое выступление перед «миловидными государями». Вот он узнает, что за время его отсутствия реакционными министрами отвергнут веледенный им проект об учреждении Академии прикладной ботаники. Приходит к нему с обыском во главе своего патруля матрос Куриянов. Словом, разворачиваются одно за другим события, которые делают профессора Полежаева депутатом Балтики в Петросовете.

И чем дальше они разворачиваются, тем больше мы убеждаемся в основательности опасений, которые с самого начала внушают характер оформления и мизансценировки (постановка С. А. Марголина). Ведь спектакль этот в большой степени камерный. В «Профессоре Полежаеве» Рахманов сделал попытку следовать ибсеновской манере. А режиссер увел исполнителей далеко от зрителя, в глубь просторной сцены. Там разыгрываются кульминационные эпизоды. Вдалеке, в полумраке, на пороге кабинета, гневно обрушивается Полежаев на Воробьева за его пошлые мемуары. Здесь происходит знаменитая сцена с мантией доктора Кембриджского университета, которую матрос Куриянов принимает за рисунки архиеврея. Мимические детали, нюансировка исполнения, камерность в значительной мере пропадают в этих условиях. А это тем более досадно, что Любимов-Ланской играет роль Полежаева хорошо, во многих эпизодах играет по-своему, глубоко, трогательно, с сердцем.

*

Он показывает Полежаева не только мягким, лиричным, нежным, любящим шутку — в его отношениях с Марией Львовной, Бочаровым, Курияновым, но и мужественным, стойким, закаленным в борьбе деятелем науки, поставившей себя на службу народу.

Веришь, что свое место среди ученых светил Европы такой Полежаев занял по праву, уверенно, гордо, — как наследник лучших русских умов — Менделеева, Мечникова, Пирогова. Конечно, этот эlegantный, изящный старик с необходимым доском и неприужденностью держал себя и на заграничных банкетах и чествованиях. Но есть в интонации Любимов-Ланского недвусмысленная ирония, когда он говорит: «Потом церемонии начались, латынь. Потом шутку эту на меня надели (одергивает мантию), и стал я доктором естественных наук Кембриджского университета». И в одной этой иронии по адресу кастового ритуала буржуазных ученых уже угадывается будущий советский профессор Полежаев — депутат Петросовета. Он угадывается и в той экспрессии актера, с какой его Полежаев реагирует на арест революционера Бочарова, за которым он с тревогой следит из окна. Здесь актеру дано по тексту одно лишь слово: «Арестовали». Но Любимов-Ланской не произносит, а кричит это слово — с возмущением, со злобой, с яростью.

Любимов-Ланской подчеркивает недоверчивое, резко отрицательное отношение Полежаева к Воробьеву. В этой резкости и непримиримости чувствуется глубокая идейная принципиальность старого ученого. Живи он в наши дни, профессор Полежаев, каким его играет Любимов-Ланской, обязательно боролся бы с получившими известное распространение в наших научных кругах догматическими, консервативными концепциями в области генетики и селекции, вероятно, со всей страстностью своего темперамента он обрушился бы на пылких представителей так называемой формальной генетики.

Трогательно, с большой теплотой ведет Любимов-Ланской вторую линию образа, рисуя огромное уважение профессора Полежаева к Ленину. В финальной сцене Бочаров говорит профессору: «Да, наконец, если бы узнал Ленин, что вы нездоровы, он запретил бы вам выходить».

Полежаев: Ленин? Ну, батенька, больно-то вы, а не я. Он и не видел меня никогда и не знает совсем. Скажите, а вы видали Ленина?

Бочаров: Много раз в Смольном.

— И разговаривали? — спрашивает Полежаев.

— И разговаривал — отвечает Бочаров. И тогда слышится какое-то неопределенное, но замечательно выразительное «хххххх». Этакий нарочито злой, стариковский кашель, похожий на ворчание. В нем — и ревность и зависть к этому бородавтому мальчишке Бочарову, который так близок к Владимиру Ильичу.

А когда раздается телефонный звонок и оказывается, что к Полежаеву звонит сам Ленин, — сколько радости, торжества, гордости в голосе Полежаева! Вот уже окончен разговор, Любимов-Ланской опускает трубку на рычаг и вдруг снова торпливо и бережно подносит ее к уху. Может быть, еще что-нибудь скажет Владимир Ильич Полежаеву? Хоть слово!

Любимов-Ланской с огромной любовью, с настоящим волнением проводит эту сцену, как, впрочем, вдохновенно играет всю роль профессора Полежаева, депутата Петросовета от моряков Балтики.

Смотришь на него и чувствуешь: да, это его роль.

Д. КАЛЬМ